

0-777575

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КНЯЗЬКОВА
Виктория Сергеевна

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПРОЗЫ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В СЛОВАЦКИХ ПЕРЕВОДАХ
(на материале рассказа «Один день Ивана Денисовича»)

Специальность 10.02.03 – славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена на кафедре славянской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
доцент
Котова Марина Юрьевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор
Полонский Андрей Васильевич

кандидат филологических наук,
доцент
Селиверстова Елена Ивановна

Ведущая организация

Волгоградский государственный
педагогический университет

Защита диссертации состоится «25» июня 2009 г. в 16:00 часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «14» мая 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547837

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

 Руднев Д.В.

Творчество А.И. Солженицына изучается не только литературоведами, но и лингвистами, историками, социологами и другими учеными. С лингвистической точки зрения особый интерес представляет язык произведений А.И. Солженицына, который отражает позицию писателя как продолжателя традиций классической русской литературы и в то же время большого реформатора. Начало изучения художественного языка писателя было в 1965 году положено статьей Т.Г. Винокур «О языке и стиле повести А.И. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*». Затем изучение его творчества было продолжено за границей: во Франции (Ж. Нива), Англии (Ж.А. Медведев), США (В.В. Карпович). Когда творчество А.И. Солженицына стало вновь открытым для русских читателей и исследователей, стало появляться и большое количество работ, посвященных языку его прозы. Это работы таких исследователей как Н.М. Голубков, М.Ю. Жукова, В.В. Карпович, Л.В. Кирпикова, В.В. Кузьмин, П.Г. Паламарчук, Л. Ржевский, Г.П. Семенова, В.Б. Синюк, П.Е. Спиваковский, А.В. Урманов, К.И. Чуковский, М.Шнеерсон, Д.А. Шумилин и другие. Что касается Словакии, то там работы по лингвистическим особенностям творчества А.И. Солженицына практически отсутствуют, а исследования произведений писателя принадлежат таким ученым-литературоведам как М. Куса, О. Марушьяк, Д. Слободник, А. Червеняк и некоторые другие.

История восприятия и исследования творчества А.И. Солженицына в России и Словакии – это отражение истории двух славянских народов, истории их взаимоотношений, сменяющие друг друга периоды политического давления, слепого восторга, неприятия и отрицания. Начало этой истории – издание в 1962 году в Советском Союзе рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и появление в 1963 году в Чехословакии словацкого перевода, созданного Яном Ференчиком. Деятельность этого переводчика сыграла важную роль в становлении и развитии словацкой переводческой школы. Теоретические принципы, сформулированные им как программа школы, находят свое практическое выражение в его переводах, в т.ч. и в переводе «Одного дня Ивана Денисовича».

После событий 1968 г. интерес к творчеству А.И. Солженицына в Словакии заметно охладевает, перестают публиковаться переводы и какие-либо критические статьи. Только в 90-е годы за изменением ситуации в политике следует и изменение взглядов в области литературы. Постепенно возрождается интерес к русской культуре, причем особым вниманием пользуются книги о "темных" страницах прошлого России. В связи с этим возрастает популярность и произведений А.И. Солженицына среди словацких читателей. Возвращение А.И. Солженицына ознаменовано переводами «Ракового корпуса» и «Архипелага ГУЛАГ», переизданиями уже переведенных произведений и вторым переводом «Одного дня Ивана Денисовича», автором которого является переводчица Ольга Гирнерова. Перевод Яна Ференчика нельзя считать устаревшим. Необходимость нового перевода была обусловлена скорее причинами историческими, а именно наличием различных версий рассказа: обработанной цензурой, "смягченной" версии, опубликованной в журнале «Новый мир» в 1962 г., и изначальной авторской версии, вышедшей в 1978 г. в Париже.

Актуальность исследования обусловлена возвращением внимания к творчеству А.И. Солженицына как в России, так и в Словакии. Анализ лингвистических особенностей произведений А.И. Солженицына в сопоставлении с существующими словацкими переводами актуален, прежде всего, в связи с переосмыслением творчества писателя в России и появлением новых переводов художественных и публицистических текстов писателя в Словакии. Эти факты вызывают потребность в более детальном анализе солженицынского мировоззрения,

отраженного в художественном языке. В настоящей работе впервые представлен лингвистический анализ словацких переводов прозы русского писателя, что составляет **научную новизну** исследования.

Объектом исследования является лексика прозы А.И. Солженицына в сопоставлении с ее переводом на словацкий язык. Отражение представлений об основных идеях, воплощенных в творчестве А.И. Солженицына, в лексике русского и словацкого языков составляет **предмет исследования**.

При сопоставлении используется, прежде всего, **материал** рассказа «Один день Ивана Денисовича»: тексты русских подлинников 1962 и 1978 годов издания и словацкие переводы 1963 и 2003 годов. Кроме того, привлекается материал и других произведений А.И. Солженицына, переведенных на словацкий язык. Рассказ «Матренин двор», впервые напечатанный в журнале «Новый мир» в 1963 году, был переведен Зорой Есенской в 1964 г. В 1991 году вышли словацкие переводы «Ракового корпуса» (Магда Такачова) и «Архипелага ГУЛАГ» переведенного на словацкий язык группой переводчиков: Душаном Слободником, Игорем Слободником, Еленой Линзботовой.

Диссертация ставит своей **целью** анализ смыслового, экспрессивного, стилистического, стратификационного, национально-культурного аспектов значения слова и изучение способов их передачи средствами родственного иностранного языка.

Поставленная цель определяет поэтапное рассмотрение следующих **задач**:

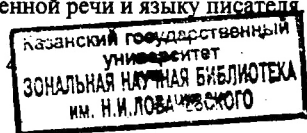
- выявить в художественном языке А.И. Солженицына группы лексем, объединенных определенными особенностями и функцией, выполняемой в художественном тексте;
- представить картину существующих русских и словацких исследований в области лексикологии;
- показать особенности употребления данных групп лексики в художественном произведении;
- рассмотреть способы и приемы передачи исследуемой лексики средствами словацкого языка;
- выявить общую концепцию словацких переводов, проанализировав конкретные переводческие решения.

Для решения указанных задач в работе используются следующие **методы и приемы исследования**: дескриптивный метод, при помощи которого определялись семантико-стилистические свойства лексем, и сопоставительный метод (сопоставление с переводом на словацкий язык).

Теоретической и методологической базой исследования служат идеи и концепции, представленные в трудах русских и словацких ученых по лингвистике (В.Д. Бондалетов, В.В. Виноградов, А.С. Герд, М.Н. Кожина, Л.П. Крысин, В.М. Мокиенко, Д.М. Поцелня, Б.А. Ларин, А.Г. Лыков, Ю. Долник, Б. Гохел, Й. Мистрик, П. Ондрус и др.) и теории перевода (Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, Э. Громова, Д. Дюришин, А. Попович, Я. Ференчик и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в изучение лексики со стилистической и стратификационной точек зрения. Впервые предпринимается попытка сопоставления принципов использования различных групп лексики в русском и словацком художественном тексте.

Практическая ценность настоящего исследования видится в применении материала и результатов данной работы, как в лекционных, так и в практических занятиях по теории и практике перевода, лексикологии и стилистике словацкого языка, а также в спецкурсах по художественной речи и языку писателя.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на международной конференции «VI Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова» (2003) в СПбГУ, на «Международной филологической конференции» (2005, 2006, 2007, 2008) в СПбГУ, на конференции «Федоровские чтения» (2006).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Произведения А.И. Солженицына представляют собой материал, выявляющий скрытые потенции русского национального языка, представляющий возможности его развития. Основным направлением является обогащение словарного запаса за счет таких групп, как авторская окказиональная лексика, жаргонная лексика, диалектно-просторечная лексика.

2. Отраженная в лексике ориентация идейного содержания произведений А.И. Солженицына на национальные особенности исторического развития, позволяет сделать вывод, что отсутствие или наличие подобного исторического опыта принимающей культуры регулирует как степень адекватности перевода, так и способность усваивать привносимые исходной культурой понятия.

3. При сопоставительном анализе подлинника и переводов последние являются как инструментом исследования, помогающим выявить особенности индивидуального стиля автора, так и объектом исследования, позволяющим определить основные черты принимающей культуры и литературы.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, представляющими собой основной текст диссертации объемом 250 страниц. В конце работы приведен библиографический список использованной литературы, включающий в себя 279 позиций (из них 180 на русском языке, 99 – на словацком и чешском языках).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обзор истории восприятия и перевода прозы А.И. Солженицына в Словакии, аргументируется выбор рассказа «Один день Ивана Денисовича» в качестве основного материала исследования, указываются методологические принципы работы с этим материалом, обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цель и задачи работы, описывается теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе **«Словотворчество и проблема его передачи в художественном переводе»** рассмотрены авторские новообразования А.И. Солженицына, намечены общие тенденции словотворчества писателя и шаги, предпринятые переводчиками для передачи их на иностранном языке. В параграфе **«1.1. Лексико-стилистические особенности прозы А. И. Солженицына»** представлены наиболее значимые особенности индивидуального авторского стиля писателя, основой которых является работа писателя над расширением возможностей языкового выражения. Работа над лексическим запасом русского языка не ограничивается созданием ярких языковых образов в художественных произведениях. Более того, именно работа писателя как лингвиста превосходит и определяет языковые черты его художественных произведений. Писатель осмысленно и целенаправленно стремится к обогащению русского национального языка, о чем свидетельствуют и его лингвистические статьи, и высказанные в интервью идеи о русском языке, и «Словарь языкового расширения».

Сочетание яркого новаторства и глубокой закорененности в национальной традиции – наиболее характерная черта солженицынского языка. Ярче всего это проявляется в области лексики. Писатель использует самую разнообразную лексику:

встречается множество заимствований из словаря В.И. Даля, из произведений других русских писателей и собственно авторские выражения. А.И. Солженицын употребляет не только лексику, не содержащуюся ни в одном из словарей, но также малоупотребительную, забытую, или даже обычную, но переосмысленную писателем и несущую новую семантику. Кроме того, писателем значительно расширены возможности использования нелитературной лексики.

Язык рассказа «Один день Ивана Денисовича» ярко свидетельствует о том, что писатель претворяет в жизнь свой масштабный замысел по лексическому расширению русского языка. Прежде всего, необходимо выделить лексику, которая является собственно авторскими образованиями. Характерными чертами таких лексем, рассмотренных в параграфе «1.2. Особенности авторских окказионализмов», являются одноразовость и вытекающая из нее ненормативность, зависимость от контекста, экспрессивность, полисемантность и принадлежность конкретному автору-творцу. На основании перечисленных признаков в рамках рассказа «Один день Ивана Денисовича» авторские окказионализмы можно определить следующим образом – это лексические единицы, не отмеченные в словарях или употребленные в значении, не отмеченном в словарях, созданные автором только для одной языковой ситуации.

В параграфе проводится четкая граница между окказиональными лексемами и другими новообразованиями и авторскими словами (неологизмами, эгологизмами, идиолектизмами, эйроменами), а также выявляются принципы образования окказионализмов в работах А.И. Солженицына. Часто это усеченные формы слов, образованные путем отсечения аффиксов более современного происхождения, нежели корень (например, *кружсь, грев, издаля*). Встречаются окказиональные слова, образованные путем скорнения (нелинейное сложение, при котором одна усеченная основа модифицирует значение другой основы и может приближаться по функции к аффиксу, например, *рассмеркиваться, лопотно*). Скорнение необходимо отличать от простого соединения двух корней, каждый из которых полностью сохраняет свою форму. Так образованы, например, окказионализмы *злоупорный, быстрометчив, землеруб*. Среди окказионализмов есть формы, образованные с помощью высокопродуктивных аффиксов от высокочастотных корней (например, *шажисто, спотычливо, терпелиник*). С другой стороны, для словотворчества А.И. Солженицына не характерны такие способы образования окказиональных лексем, как использование непродуктивных аффиксов или слитное написание словосочетаний (какие находим у других авторов). Это обусловлено основными принципами словотворчества писателя: нацеленностью на общее употребление окказиональных слов и стремлением к сжатости текста.

Труднейшая для переводчиков задача передачи особенностей словотворчества писателя на иностранном языке и пути ее решения освещены в параграфе «1.3. Воссоздание авторских окказионализмов в переводе».

Для создания окказионализмов оригинала средствами языка перевода используются, в основном, те же способы, что и для перевода безэквивалентной лексики, а именно: переводческая транскрипция и транслитерация, прием калькирования, описательный (разъяснительный) перевод, приближенный перевод (т.е. перевод при помощи аналога). Из рассмотренных в диссертационном исследовании шестидесяти шести окказионализмов тридцать пять передано приближенным переводом с помощью аналога, двадцать один – трансформационным и десять – описательным.

Далее в параграфе рассматриваются примеры авторских окказионализмов и их перевода на словацкий язык, организованные в группы по принадлежности к части

речи. Такая организация обусловлена взглядом самого автора на различные словообразовательные потенции той или иной части речи. Острее всего звучат солженицынские окказионализмы, воплотившиеся в форме наречий (причем именно наречий образа действия). Именно в этой части речи наиболее полно сочетаются для писателя возможность словотворчества и насыщенность выражаемого ею явления. Примером заимствованной формы, но преобразованной окказиональной семантики служит следующее наречие:

Однако он стал есть ее так же медленно, внимчиво [Солж. 1978: 15].

Наречие *внимчиво* мы находим у В.И. Даля. Можно предположить, что причина выбора писателем именно такой формы наречия кроется в отрыве наречия *внимательно* от образующего глагола *внимать*. В.И. Даль определяет этот глагол следующим образом:

ВНИМАТЬ, *внять* чему, *внимаю* и *внемлю*, арх. *воймовать*, *сторожко* слушать, прислушиваться, жадно поглощать слухом; усваивать себе слышанное или читанное, устремлять на это мысли и волю свою [Даль, I: 219].

Заключенный в лагере ест свою порцию не только *внимательно* (сосредоточенно), а жадно поглощая, впитывая, усваивая все, что можно, устремляя на это все свою мысли и свою волю. С этой точки зрения более полноценным кажется перевод 2003 года:

A predsa jedol rovnako pomaly a sústredene [Solž. 1963: 16].

Napriek tomu ju jedol ako vždy – pomaly a vnímavo [Solž. 2003: 15].

Наречие *vnímavo* кроме своего созвучия с русским *внимчиво* имеет значение ‘восприимчиво, чутко, внимательно’, что подразумевает и сосредоточенность, таким образом, имеет более широкий круг значений, чем наречие *sústredene*.

По такой же морфологической схеме образовано наречие *оступчиво* от глагола *оступаться* (*оступиться*) т.е. ‘неудачно ступить, споткнуться’. При этом наречие является признаком глагола *ходить*, отсутствующего в предложении, но подразумевающегося. Так, фразу *по трапу оступчиво* можно развернуть до предложения *ходить по трапу неудобно тем, что можно легко споткнуться или ступить неудачно*. В этом и состоит так называемый «закон экономии» в языковом творчестве А.И. Солженицына. Признак нетвердости, шаткости (*vratky*) переводчики переносят на существительное *трап* (*schodište, mostík*).

Напересёк через ворота проволочные, и через всю строительную зону, и через дальнюю проволоку, что по тот бок, – солнце встает большое, красное, как бы во мгле [Солж. 1978: 33].

Несмотря ни на что – ни на существование лагеря, проволоки, зоны – солнце все равно продолжает вставать каждое утро. В наречии *напересёк* кроется, безусловно, не только свойство солнечных лучей, пересекающих лагерь. Пользуясь принципом скорнения, автор заставляет читателя услышать здесь и *поперёк*, и *пересечь*, и *наперекор*. Наперескор злу, страху и насилию жизнь продолжает идти по своим законам. Нелегко передать на другой язык всю коннотативную гамму значений такой лексемы. Словосочетание *spoza brány* /букв. из-за ворот/ нельзя считать адекватным выбором. Наречие *naprieč* (означающее ‘поперёк, наперерез, напрямик’ [СРС: 229]) в некоторой степени передает свойства окказионализма. Кроме того, оно созвучно наречию *napriek* – ‘назло, наперекор, несмотря на’ [СРС: 229].

Naprieč cez drôtenú bránu, cez celú stavebnú zónu a pomedzi vzdialené drôty na druhej strane vychádza slnko – veľké, červené, akoby v hmle [Solž. 1963: 38].

Spoza brány z oštnatého drôtu, ponad celé stavenisko a drôty na druhom konci, akoby v hmle, vychádza veľké červené slnko [Solž. 2003: 37].

Особенно сочный окказионализм – наречие *напрожог*:

Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай знает напрожо [Солж. 1978: 34].

Мы видим, как лагерь прожёт бригадира, оставил на его теле и сердце неизгладимые следы ожога, как он прошел в лагере огонь и воду, как, несмотря на все, горит в нем сила духа. В переводах находим бесцветные фразы о том, что он в совершенстве знает обычаи лагеря:

Odpykáva si už druhý výmer trestu, hlavná správa táborov ho prijala za svojho, táborové zvyky pozná dokonale [Solž. 1963: 39].

Tento syn gulagu si odpykáva už druhý trest, dokonale ovláda táborové zvyky [Solž. 2003: 37].

И, не занося хлеба в девятый, он шажисто погнал в сторону седьмого барака [Солж. 1978: 103].

Значение данного наречия абсолютно прозрачно: 'частыми или/и большими шагами'. Наречие образовано по аналогии с прилагательными *бугристый*, *гористый*, т.е. 'имеющий много бугров' или 'имеющий много гор'. Однако, несмотря на это, непросто оказалось перевести данный окказионализм на иностранный язык, переводчикам пришлось воспользоваться словосочетанием:

Neodniesol chlieb do deviateho, ale dlhými krokmi vyrazil smerom k siedmemu baraku [Solž. 1963: 123].

Neodniesol chlieb do deviateho baraka, ale dlhými krokmi sa hnál smerom k siedmemu [Solž. 2003: 120].

Именно в окказиональных наречиях проявляется в полной мере важная особенность лексики А.И. Солженицына: «стремление к полисемии, к максимально возможному смысловому и экспрессивному наполнению слова, к его усложнению и преобразованию, к насаиванию в пределах отдельной лексической единицы нескольких эстетически значимых смыслов или оттенков значений» [Урманов 2000: 131]. Перевод на иностранный язык, в данном случае на словацкий, доказывает невозможность замены такой леммы однословным эквивалентом. Содержание солженицынского окказионализма раскладывается на несколько составляющих, затем воспроизводится либо лишь одна из них – одной лексемой, либо несколько – словосочетанием или целой фразой.

Глаголы также являются продуктивной частью речи для словотворчества А.И. Солженицына. Особенно излюблены писателем приставочные глаголы (а иногда и многоприставочные), поскольку в них есть возможность выражения некоего содержания не только в корне слова, но и в приставке. Полисемии авторских приставочных глаголов можно продемонстрировать на следующем примере:

Издобыть на снегу на голом, чем окна те зашить, не было легко. [Солж. 1978: 40]

Приставка *из-* подчеркивает исчерпанность, полноту проявления действия [Ожегов: 213]. *Издобыть* – это не только *добыть*, но и *изловчиться* и *добыть*, *измучиться* и *добыть*.

Zohnať na holom snehu dačo na zatĺčenie tých oblokov nebolo ľahké. [Solž. 1963: 48]

Nebude ľahké vydolovať spod snehu niččo na tie okná [Solž. 2003: 44]

Глагол *zohnať* [букв. *достать, найти, раздобыть*], хотя и соответствует основному значению леммы, но не передает всех смысловых оттенков приставочного глагола. Удачным решением можно считать использование здесь глагола *vydolovať*. Это отчасти переводческий окказионализм, т.к. в словацком языке употребляется в основном только глагол *dolovať*, имеющий очень ограниченную семантику, а именно 'добывать полезные ископаемые'. Выражение *vydolovať* *spod snehu* в полной мере передает невероятную трудность такого задания, как *найти что-либо на голом снегу*.

И надзиратели, без Волкового шмонавшие кое-как, тут зарьялись, кинулись, как звери <...> [Солж. 1978: 25]

Необычная схема образования глагола дает, тем не менее, достаточно прозрачное значение. Приставка *за-* образует глаголы начала действия, а с возвратной частицей – ‘доведения действия до излишества, до крайней степени’ [Ожегов: 175]. Наречие *рьяно* означает ‘очень усердно’ [Ожегов: 615]. Таким образом, усердие в досмотре заключенных доходит до абсолютного предела, до крайней точки, когда усердие уже превращается в дикость. В обоих словацких переводах фигурирует словосочетание *кинулись/начали кидаться как звери*:

Dozorcovia, ktorí dovtedy prehliadali len tak, aby sa nepovedalo, zrazu ožili, vrhli sa na trestancov ako zvery <...> [Solž. 1963: 30]

A ti sa odrazu prebrali – dovtedy prehliadali len tak, aby sa nepovedalo – a začali sa vrhať na trestancov ako diví. [Solž. 2003: 27]

Попытка воспроизвести окказиональный глагол (при помощи стилистически-нейтрального аналога *ožili* /букв. *ожили, оживились*/) присутствует только в варианте Я. Ференчика, всегда стремящегося к более полному соответствию подлиннику.

Окказиональные прилагательные в рассказе «Один день Ивана Денисовича» присутствуют в очень скромном количестве, например:

Сидеть в столовой холодно, едят больше в шапках, но не спеша, вылавливая разварки тленной мелкой рыбешки из-под листьев черной капусты и выплывавая косточки на стол. [Солж. 1978: 15]

Прилагательное *тленный* имеет следующие значения, отмеченные в словарях:

ТЛЕННЫЙ, Книжн. Подверженный тлению, разрушению, гибели; не вечный, преходящий. [МАС, IV: 370]

ТЛЕННЫЙ 1. подверженный тлению, разрушению; временный, преходящий 2. свойственный тлению, тлену, вызванный ими. [БАС, XV: 505]

ТЛЕТЬ 1. разрушаться от времени; истлеть 2. медленно гореть без пламени. 3. давать, излучать слабый свет. 4. перен. Существовать в скрытом виде, почти не проявляться, не обнаруживаться. [БАС, XV: 505]

В данном контексте оно приобретает окказиональные значения ‘распавшийся на мельчайшие частички, почти невидимый’, а также ‘незначительный, презренный’. Такая характеристика рыбы дополняется прилагательным *мелкая* и суффикс -*ешк-*, усиливающий оттенок незначительности, мелкости.

V jedálni je zima, jedia poväčšine v čiapkach, ale nenáhľivo, lovia rozvarené kúsky zhnitých rybičiek spod listov červenej kapusty a vyplývajú kosti na stól. [Solž. 1963: 16]

Na sedenie je v jedálni chladno, ľudia zväčša jedia v čiapkach, no nenáhľia sa, rozvarené kúsky stuchnutých rybičiek loví medzi listami sčernetej kapusty a kostičky vyplývajú na stól. [Solž. 2003: 14]

Окказионализм *разварки* воспроизведен описательным переводом с помощью словосочетаний, объясняющих его значение (‘разваренные кусочки’). Так как речь идет о практически невидимых кусочках рыбы, уменьшительная форма *kúsočky* представляется более логичной в данном контексте, как и уменьшительная форма *kostičky*. По-разному было интерпретировано переводчиками и определение капусты. Я. Ференчик воспринял его как вид капусты, отчего в словацком тексте появляется *красная* капуста. О. Гирнерова же передала определение *черная* как *почерневшая*, что, безусловно, является верным вариантом, подчеркивающим убогость лагерной пищи.

В статье «Не обычай дегтем ши белить, на то сметана» А.И. Солженицын отмечает в современном русском литературном языке обилие чужеродных отглагольных существительных на *-ение* и жалеет о потере многих кратких существительных мужского и женского рода. Следуя цели возвращения русскому

языку утраченных лексических средств, писатель создает такие формы, как *лють*, *укрыва*, *грев*, *озор*, *кружь*.

В образовании существительных преобладает тенденция к укорачиванию, упрощению, концентрированию.

Ой, лють там сегодня будет: двадцать семь с ветерком, ни укрыва, ни грева!

[Солж. 1962: 18; 1978, 23]

Ech, bude tam dnes mrcha hostina: dvadsaťsedem pod nulou s vetrikom, ani sa kde schovať, ani sa kde zohriať! [Solž. 1963:27]

Не имея эквивалентной лексической единицы, переводчик, чтобы восполнить экспрессивность окказионализма, воспользовался метафорическим переводом: *лють* стала *mrcha hostina* /букв. скверный прием/, что однако удлинняет первую часть предложения. В переводе фразы *ни укрыва, ни грева* наблюдается тенденция к сокращению и отклонению от литературной нормы (переводчик опускает глагол *mať*: *nemajú sa ani kde schovať, nemajú sa ani kde zohriať*), что также позволяет приблизиться к оригиналу.

Переводчица О. Гирнерова использует словосочетание *hrozná kosa* /букв. ужасная холодрыга/, существительное *kosa* при этом является сленговым и имеет литературный эквивалент *zima* [Hochel 1993a: 99]. Фраза *ни укрыва, ни грева* в переводе воспроизводится вполне удачно благодаря тому, что переводчица опускает глагол *byť* (с ним бы фраза звучала так: *a nikde nie je úkrytu, nikde nie je ohníka*), хотя *nikde* можно было бы заменить на *ani* для еще большей краткости и ритмичности фразы. А также благодаря существованию в словацком языке существительного *úkryt* /букв. укрытие/, подобного по звучанию окказионализму *укрыв*:

Och, dnes tam bude hrozná kosa: dvadsaťsedem stupňov a vietor, a nikde úkrytu, nikde ohníka! [Solž. 2003: 24]

Адекватная передача окказионализмов связана с проблемой сохранения индивидуальности автора, его стилистического своеобразия. Ни один из проанализированных в исследовании солженицынских окказионализмов не передан ни транскрипцией (или транслитерацией), ни калькированием. Большинство же передано приближенным переводом с помощью аналога. Это позволяет сделать вывод о сильной смысловой нагруженности авторских окказиональных лексем и о стремлении переводчиков в ущерб экспрессивности и окказиональности передать по крайней мере часть объема информации, выраженного тем или иным окказионализмом.

Вторая глава «Система социально-обусловленной лексики в рассказе «Один день Ивана Денисовича» и его переводах» посвящена лексике, которая, не являясь авторской, обладает яркими экспрессивно-стилистическими признаками, и потому требует особого внимания при переводе художественного произведения. В параграфе «2.1. Функциональная стратификация лексики русского и словацкого языков» приводится обзор основных работ по функциональной стратификации и функционально-стилистическому варьированию лексики в русской и словацкой лингвистике. Рассматриваются основные положения русских и словацких исследований в аспекте классификации лексического состава обоих национальных языков. Их сопоставление позволяет сделать вывод о существенных различиях не только в объективном разделении лексики, но и в интерпретации этого разделения.

Русская лингвистическая традиция предполагает четкое разграничение критериев оценки лексики на "функционально-стилистическое варьирование литературного языка" и "функциональную стратификацию национального языка". Первым занимается стилистика, вторым – социолингвистика. Стилистика

предполагает наличие состава лексических средств характерного для того или иного функционального стиля. Социолингвистика описывает определенные лексические средства, характерные для той или иной социально-ограниченной группы носителей языка. Среди таких групп обычно выделяются: носители просторечия, носители территориальных диалектов, носители жаргонов (иногда также выделяются носители арго и носители сленга).

Для словацкой лингвистической традиции характерен взгляд на классификацию лексики с позиции ограниченности или неограниченности ее употребления. Неограниченной в употреблении считается литературная стилистически-немаркированная ноциональная лексика (противопоставленная соответственно нелитературной, стилистически-маркированной, эмоционально-экспрессивной). Ограниченными являются разнообразные группы лексики, в т.ч. характерные для определенного функционального стиля или ограниченные употреблением в социальной группе. Среди последних в основном выделяются группы: территориальные диалекты, сленг, арго.

В диссертационном исследовании вводим понятие *социально-обусловленная лексика*, то есть принадлежащая к одной из функциональных страт национального языка. Это обязательно лексика нелитературная (некодифицированная), но в отличие от некоторых других групп нелитературной лексики (окказионализмы, вульгаризмы, архаизмы и др.) ее использование обусловлено социальной принадлежностью говорящего. В параграфе «2.2. Проблема перевода социально-обусловленной лексики художественного произведения с русского языка на словацкий» рассматриваются общие вопросы функционирования данного типа лексики в художественном произведении, принципы ее перевода и определение ее характера в прозе А.И. Солженицына.

В книге «Kontextu prekladu» [Ferenčík 1982] Ян Ференчик сформулировал принципы словацкой переводческой школы. Одним из главных принципов стал «принцип хорошего словацкого языка», который подразумевает, что «некодифицированные языковые элементы можно использовать лишь строго функционально и в рамках общей понятности» /перевод наш – В.К./ [Ferenčík 1982: 36 – 37]. Одновременно действует «правило не переводить региональный диалект оригинала каким-либо региональным диалектом словацкого языка», а использовать стилизованный диалект, созданный ad hoc. Что касается социального диалекта, то его надо «переводить соответствующим социальным диалектом словацкого языка» /перевод наш – В.К./ [Ferenčík 1982: 55]. На первый план Я. Ференчик выдвигает концептуальность перевода, что подразумевает подчиненность всех решений во всех аспектах художественного перевода (в т.ч. и в аспекте перевода нелитературной лексики) единому принципу.

Если с территориальными диалектами обычно трудностей не возникает, то вопрос перевода социальных диалектов становится достаточно острым в связи с тем, что «социальные диалекты в словацком языке практически отсутствуют» /перевод наш – В.К./ [Ferenčík 1982: 65]. Что касается переводов произведений А.И. Солженицына в 60-е годы, то, как замечает М. Куса, в то время не было и опыта перевода таких произведений. В словацком социалистическом обществе, где литература играла, прежде всего, идеологически-воспитательную роль, выбирались такие произведения для перевода, в которых все (в том числе и языковые средства) находилось в рамках нормы [Kusá 1999: 169]. Современные словацкие исследователи [Kusá 1999; Nochel 1990] отмечают, что и сейчас язык словацких переводов художественной литературы ориентирован на пуризм. Они подчеркивают, что в отличие от русской литературы, где художественный язык интенсивно черпает из

средств нелитературных, словацкая художественная литература ограничена в этом отношении. Если социально-обусловленная лексика в художественном произведении используется не с целью документации, а с целью придать повествованию оттенок разговорности, то, как утверждают многие исследователи, в переводе это надлежит передать лишь с помощью нескольких сигналов, намеков, а не полным объемом средств подлинника. Кроме того, использование нелитературной лексики в переводе должно основываться не на ее объеме в оригинале, а зависеть от ее позиции в контексте принимающей литературы [Hochel 1990; Mathesius 1953; Pauliny 1983].

Учитывая основные научные труды по лексической стратификации в России и Словакии и на основании анализа произведений А.И. Солженицына, выделяем следующие основные группы нелитературной социально-обусловленной лексики в прозе А.И. Солженицына: лагерный жаргон, просторечие и диалект. В рассказе «Один день Ивана Денисовича» страты лагерный жаргон и диалектное просторечие имеют идейно-формирующее значение и представлены достаточно большим количеством единиц: из чуть менее чем тридцати четырех тысяч слов (около ста страниц) текста, около ста словоупотреблений классифицируем как жаргонные и приблизительно такое же количество – как просторечные.

При анализе перевода лексики в художественном произведении исходим из положения о том, что в художественном стиле любое нелитературное слово является экспрессивным стилистическим средством.

Анализ первой из двух групп представлен в параграфе «2.3. Лагерный жаргон в художественном произведении и переводе». В системе произведений А.И. Солженицына под *лагерным жаргоном* понимаем следующее: нелитературные лексические единицы, используемые социально ограниченной группой людей (заключенными), проявляющими, таким образом, социальную дистанцированность от остальных членов общества.

При внедрении элементов лагерного жаргона в художественное произведение выполняется функция отображения реалий лагерной жизни как замкнутой и закрытой системы взаимоотношений и взаимосвязей. Недаром в издании «Одного дня Ивана Денисовича» 1978 года в конце рассказа писателем предлагается небольшая "словарь" лагерных "терминов" с "переводом" и объяснением, что подчеркивает обособленность лагерной жизни, непонятность ее для остального мира. В работе проанализированы некоторые основные из этих лагерных "терминов".

Так, например, объяснение жаргонизма *кондей* звучит следующим образом: «Кондей (блатн.) – карцер. Без вывода – содержат как в тюрьме. С выводом – только ночь в карцере, а днем выводят на работу» [Солж. 1978: 121].

И тут же он остро, возносившись помолвился про себя: „Господи! Спаси! Не дай мне карцера!“ [Солж. 1962: 56; 1978, 90].

A tu sa v duchu naliehavo, vrúčne pomodlil: „Panebože zachraň ma pred karcerom!“ [Solž. 1963: 108].

A v duchu sa úpenlivo, vrúčne modlil: „Pane Bože, zachraň ma! Nedopusť aby ma dali do basy!“ [Solž. 2003: 104 – 105].

Я. Ференчик, пользуясь принципом транслитерации, заимствует слово *karcer*. О. Гирнерова употребляет слово *basa* /букв. *тюряза*/, являющееся сленговым выражением, имеющее литературный эквивалент *väzenie* /букв. *тюрьма*/. Этот пример показателен как выражение различных переводческих концепций.

По мнению исследователей, лагерь в рассказе А.И. Солженицына четко поделен на два мира: заключенные и начальство лагеря. Противопоставление этих двух миров четко прослеживается в языке лагеря, выражаясь в жаргонной лексике. Одна из таких лексем – *кум* (или *омер*), и логически с ними связанный жаргонизм

стучать. Автор первого словацкого перевода Ян Ференчик в характерной ему манере выбирает один эквивалент и следует этому выбору на протяжении всего текста. А именно для лексем *кум / опер* – *vyšetrujúci* /букв. следователь/, а для лексемы *стучать* – *donášať* /букв. доносить/. Здесь мы наблюдаем явную замену жаргонизмов стилистически-нейтральными лексемами. По-другому дело обстоит в переводе О. Гирнеровой. Во-первых, для каждого отдельного случая она находит свой эквивалент к упомянутым жаргонизмам. Во-вторых, ее эквиваленты часто более экспрессивны. Так, например, при первом упоминании о куме в «Одном дне Ивана Денисовича» переводчица вводит понятие "*strýček*", далее переводчица предлагает такие эквиваленты как *vyšetrovateľ*, *dozorca*, *eštebák* и т.д.

Характерным жаргонизмом, отражающим систему лагерных взаимоотношений является лексема *придурок*, которую автор определяет так: «работающий в административной должности (но бригадир – не придурок) или в сфере обслуживания – всегда на более легкой, привилегированной работе. Придурня» [Солж. 1978: 122]. О системе лагерных взаимоотношений ясно говорит следующая цитата:

Но это были не серые ззки, а твердые лагерные придурки, первые сволочи, сидевшие в зоне. Людей этих работники считали ниже дерьма (как и те ставили работяг). Но спорить с ними было бесполезно: у придурни меж собой спайка и с надзирателями тоже [Солж. 1978: 94].

Ale to neboli šediví trestanci, lež mocní táboroví poskoci, najväčší všiváci, akí sedeli v zóne. Týchto ľudí si trestanci nevážili ani zatolko, ako psieho lajna (a oni zas ťahúňov). Ale škriepiť sa s nimi nemalo zmysel — všetci poskoci sú jedna ruka aj s dozorcami [Solž. 1963: 113].

Я. Ференчик, неизменно следуя единой переводческой концепции, эквивалентом для всех словоупотреблений анализируемого жаргонизма выбирает слово *poskok*, имеющего пометы *неодобрительно, разговорное слово* и следующее значение: *POSKOK* *hovor. pejor. Sluha, posluhovač* [KSSJ: 317].

Neboli to obyčajní trestanci, ale prominentní ulievači, najväčší smradi: holiči, účtovníci a pracovník z politicko-výchovného oddelenia. Spoluväzni ich mali za vedrá hován a tí im to rovnako odplácali. Lenže nemalo zmysel vadiť sa s nimi, lebo držali spolu a boli jedna ruka aj s dozorcami [Solž. 2003: 109].

О. Гирнерова всячески избегает прямого перевода жаргонизма *придурок / придурня*: то называя их *выдающимися лодырями*, то подробно расшифровывая их функции, то вообще опуская безэквивалентную лексему.

A и того не получишь за поварами, да за шестерками, да за придурками [Солж. 1962: 35; 1978: 52].

Здесь кроме жаргонизма *придурки* присутствует также жаргонизм *шестерки*, который А.И. Солженицыным объясняется так: «шестерить – обслуживать лично кому-то; шестерка – кто держится в услугах» [Солж. 1978: 122]. Понятно, что слово, образованное от названия низшей карты в колоде игральных карт, обозначает человека низшего разряда в системе внутрилагерных взаимоотношений. В словацких переводах *придурки* и *шестерки* переданы как *lokaji* /букв. лакей/, *poskokovia* /букв. прислуга/, *protosníci* /букв. помощники/ и *darťožráči* /букв. дармоеды/.

В целом, о переводе жаргонной лексики можно сказать, что переводчики употребляют менее экспрессивные лексические единицы, чем в оригинале. Причиной тому – отсутствие словацких эквивалентов в силу отсутствия описываемых реалий в словацкой истории и действительности. Часто используются нейтральные выражения,

такие как *prehliadka* /букв. обыск, досмотр/ вместо *шмон*, *prehliadať* /букв. обыскивать, досматривать/ вместо *шмонать*, *donášať* /букв. доносить/ вместо *стучать*, *väzenie* /букв. тюрьма/ вместо *кондей*, *nechodiť do práce* /букв. не ходить на работу/ вместо *без вывода*. В некоторых случаях для сохранения экспрессивности переводчики вводят в словацкий текст русские заимствования (например, *karcer*), или слова, имеющие разговорный оттенок (например, *šmátrať* /букв. шарить/), или сленговые выражения (например, *basa* /букв. тюряга/). Такие лексические замены приводят к тому, что во многом теряется образ, созданный А.И. Солженицыным. Это образ мира советских лагерей и тюрем, где живут совершенно другие люди, чем на воле, которые даже говорят на совершенно ином языке, не понятном и чуждом. Перевод же только в малой степени передает уникальное историческое и языковое явление лагерного жаргона. Словацкие тексты не представляют настолько яркого и жизненного образа лагеря, что доказывает незаменимость социально-обусловленной лексики в произведении А.И. Солженицына.

Параграф «2.4. Диалектно-просторечная лексика в художественном произведении и переводе» рассматривает диалектно-просторечную лексику в прозе А.И. Солженицына и ее переводах на словацкий язык в трех типах: морфологическом, лексическом и семантическом. Под *диалектным просторечием* понимаем нелитературные лексические единицы, используемые социально и территориально ограниченной группой людей (крестьянами), проявляющими, таким образом, дистанцированность от образованного и городского населения.

Просторечные слова морфологического типа имеют первоначально литературную форму, но при парадигматических изменениях или при образовании одной части речи от другой образуется форма, не являющаяся литературной. Среди таких форм особенно выразительными являются деепричастия.

Сегодня Шухов сэкономил: в барак не зашедем, пайки не получил и теперь ел без хлеба. [Солж. 1978: 16]

Dnes Šuchov zgazdoval na jedive: nemal kedy zísť do baraka po prídel a teraz jedol bez chleba. [Solž. 1963: 17]

Dnes aj ušetril, lebo nešiel po prídel chleba do baraku a jedol bez neho. [Solž. 2003: 16]

Там, за столом, еще ложку не окунули, парень молодой крестится
[Солж. 1978: 15]

Tam za stolom sa prv ako načrel do misky, prežehnáva akýsi mládenec.
[Solž. 1963: 15]

Za jedným stolom sa akýsi mládenec prežehnával pred jedlom. [Solž. 2003: 14]

Формы *зашедем* и *окунули* являются малоупотребительными и просторечными. Именно такие формы являются излюбленным инструментом А.И. Солженицына для создания колоритной речи своих литературных героев. Из рассмотренных в исследовании примеров с деепричастиями становится ясно, с каким упорством словацкие переводчики избегают деепричастий и деепричастных оборотов. Они заменяются придаточными предложениями, словосочетаниями или простыми предложениями в составе сложных. Связано это с тем, что словацкая грамматика считает деепричастия устаревшими формами. Встречаются они в весьма ограниченном количестве в научном стиле или же в художественной литературе с целью придать тексту оттенок научности.

Семантический тип просторечных лексем необычен тем, что, совпадая с литературной лексемой по форме, просторечное слово отличается по значению. *Самое сытное время лагернику – июнь: всякий овощ кончается и заменяют крупой. Самое худое время – июль: крапиву в котел секут.* [Солж. 1978: 16]

Najsýtejšie časy majú trestanci v júni – všetka zelenina sa minula, varia sa krúpy. Najhladnejší mesiac je júl: žihlavu krájajú do kotla. [Solž. 1963: 17]

Najsýtejšie časy pre trestanca sú v júni, vtedy sa už minie všetka zelenina a namiesto nej sa varia krúpy. A najhoršie je v júli – vtedy do kotla sekajú žihl'avu. [Solž. 2003: 16]

В словаре есть две статьи на лексему *худой*:

ХУДОЙ¹. Имеющий тонкое, сухощавое тело (о человеке и животном); тощий || С лишенными жира мышцами, лишенный подкожного жирового слоя (о теле или частях тела).

ХУДОЙ². 1. Разг. Плохой, дурной. Худая слава. □ Худой мир лучше доброй ссоры. Пословица. Люди богатые не любят, чтобы бедняки на худой жребий вслух жаловались. 2. Разг. Дырявый, ветхий. Худое ведро. Худые рукавицы. 3. Устар. Незнатного происхождения, низкого рода [МАС, IV: 630].

В примере из «Одного дня Ивана Денисовича» использовано, прежде всего, первое значение второй омонимичной лексемы, что и подтверждается вторым переводом на словацкий язык (*najhoršie – самое плохое*). Как показывает словарь, такое значение лексемы встречается чаще всего в пословицах, в разговорном стиле. Но писатель, конечно, не может упустить из виду и наличие других значений прилагательного *худой*. Ведь в плохое время заключенный не может не быть тощим, от чего и здоровье его становится слабым, ветхим. Отчасти это отражено в первом переводе (*najhladnejší – самый голодный*).

Просторечные лексемы всех типов (морфологического, лексического, семантического) в большинстве случаев в словацких переводах воспроизводятся с помощью средств литературного языка. Для сохранения стиля художественного произведения переводчики зачастую прибегают к принципу компенсации. В качестве компенсации в переводах появляются лексемы, которые в словацком языке считаются признаками разговорного стиля, т.е. в словаре имеют помету *hovorové slovo*. Реже встречаются такие, которые в словаре имеют помету *slovo z ľudovej reči*.

Приближение художественного языка к народной речи осуществляется не только за счет привлечения в него множества диалектно-просторечных слов и выражений, но и исключения из него всяческой официальности, научности, канцелярности, иноязычности. В стремлении отличиться от оригинала, сказать что-то по-своему, использовать лексику, близкую современной разговорной речи, переводчица О. Гирнерова иногда пренебрегает общей стилистикой произведения А.И. Солженицына. (Я. Ференчик более традиционен в своих переводческих решениях, что зачастую приводит к лучшему результату, к сохранению общей концепции оригинала). В ее переводе встречаются такие лексемы как *hierarchický /иерархический/, inštalácia /инсталляция/, nefalšovaný /фальсифицированный/, existovať /существовать/ (ср. *jestvovať*), *prominentný /выдающийся/ (ср. *popredný*)*, которые ощущаются неприемлемыми. Это обусловлено не только стилистикой рассказа «Один день Ивана Денисовича», но и в целом индивидуальным стилем А.И. Солженицына в совокупности всех его произведений.*

В третьей главе «*Концептуальный уровень лексики произведения в художественном переводе*» анализируется взаимосвязь лексических особенностей и мировоззрения писателя, которое ярче всего проявляется в художественных концептах. В данной главе рассмотрены основные концепты рассказа, раскрывающие тему лагеря и тему христианской веры, их видение автором и условия существования избранных концептов русской культуры в среде культуры иностранной (в данном случае – словацкой).

В параграфе «3.1. Тема лагеря в рассказе «Один день Ивана Денисовича» и ее отражение в лексике произведения и его словацких переводах» представлены такие концепты как *зэк, зона, холод и хлеб*.

Тема заключенного как представителя отдельной народности (племени) развивается в книге «Архипелаг ГУЛАГ» и присутствует в анализируемом рассказе. В словацких переводах находим следующие эквиваленты:

väzeň – 8 словоупотреблений в переводе 1963 года, 11 в переводе 2003 года;

trestanec – 104 словоупотребления в переводе 1963 года, 75 в переводе 2003 года.

Эти синонимичные слова находятся в таком явном неравновесии из-за того, что семантика слова *väzeň* гораздо уже, чем у слова *trestanec*. Если значение первого ограничивается следующим: 'человек, находящийся в тюремном заключении'; то семантическое поле второго включает в себя и такое, как 'человек, подвергшийся наказанию, каре или возмездия; человек, находящийся под арестом; человек, выполняющий каторжный труд'. Таким образом, выбор переводчиков оказывается очевидным. Слово *väzeň* используется в основном в тех случаях, когда в контексте прослеживается явная связь с тюремным заключением.

Концептуальная наполненность русской лексики *зона*, несомненно, намного шире, чем комплекс значений ее словацкого эквивалента *zóna*. В рассказе «Один день Ивана Денисовича» на первый план выступают значения слова *зона*, связанные с местом пребывания заключенных: прямое ('обозначение территории, на которой находится место проживания и работы заключенных') и переносное ('мир заключенных и все, что его характеризует, особенности жизни заключенного'). В связи с отсутствием данных значений у словацкого лексемы *zóna* переводческие решения будут зависеть от общей концепции перевода, обусловленной всеми звеньями цепи от автора подлинника – до читателя перевода. В случае перевода 1963 года это явная позиция экзотизации словацкого текста, т.е. принятие безэквивалентной русской лексики в той форме, в которой она существует в русском подлиннике. В словацком тексте 2003 года определенно проявляется концепция нейтрализации, т.е. некая адаптация русского подлинника восприятию современного словацкого читателя.

Среди концептов, с помощью которых автор создает образ лагеря в рассказе, ключевым является слово *холод*. О холоде в рассказе неотступно напоминает и «обындивевший» рельс, и «весь обметанный инеем» термометр, и сруб колодца «в толстой обледи», и смерзшаяся веревка в колодце, стоящая колом, и холодные здания:

Шухов протер доски пола <...> – и наискось, мимо бани, мимо темного охолодавшего здания клуба, надал к столовой [Солж. 1962: 13].

Словно подчеркивая тесную связь холода и голода в сознании заключенного, писатель вводит окказионализм *охолодавший* по образцу *оголодавший*. Такой окказионализм позволяет выразить не только содержание понятия *холодный*, но и усилить некоторые оттенки его значения. Проведем аналогию с глаголом *оголодать*. В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова находим следующее: 'оголодать, сов. (простореч.) Прийти в изнурение, отощать от голода' [Ушаков, II: 750]. Так, в причастии *охолодавший* мы можем нащупать проявление такого же изнурения от холода и крайней степени замерзания. В переводах *охолодавший* становится причастием *vychladnutý* /букв. остывший, простывший/

В сферу концепта *холод* входит и лексема *мороз* с ее производными. Существительное *мороз* имеет в рассказе сорок четыре словоупотребления. Кроме того, два словоупотребления имеет прилагательное *морозный*. В рассказе встречается и один окказионализм с корнем *мороз* – *морозьяка* (образованный по аналогии с

забияка/чертяка/железяка). Благодаря богатым словообразовательным возможностям словацкого языка окказионализм передан также экспрессивным *mrazisko* с суффиксом *-isko* (по аналогии с *psisko*), имеющим значения "большого размера, большой силы".

Подробное описание деталей быта заключенных в произведении А.И. Солженицына не только складывается в общую картину лагерной жизни, но и заставляет понять, насколько важны для человека эти самые детали. С необыкновенной точностью писатель воспроизводит и подробности пищи заключенных, прежде всего, хлеб. Но хлеб для заключенного – это не только пайка, которая является средством его существования в лагере, это цель и смысл его жизни. Так, лексема *хлеб* приобретает особые смысловые оттенки, обогащается новыми значениями. Слово *хлеб* становится некой философской субстанцией, первоосновой существования всех вещей и явлений в жизни лагеря. Это подтверждается и немного ироничным высказыванием главного героя в ответ на чтение из Евангелия:

Алешка внушает. Перелез с евангелием своим к Шухову поближе, к лицу самому. – Из всего земного и бренного молиться нам Господь заведет только о хлебе насущном: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь!"

– *Пайку, значит?* – спросил Шухов [Солж. 1962: 72; 1978, 116].

Недаром автор создает такую параллель, используя известный библейский афоризм. В контексте Евангелия *хлеб* употребляется не только в значении средства утоления первостепенных физических потребностей человека, но в значении главного, самого существенного в жизни, ее смысла.

Итак, в сознании заключенного хлеб (или вообще основная пища) – это именно пайка, т.е. кусок хлеба, выдаваемый в количестве нескольких сот граммов в день. Таким образом, в синонимическую связь со словом *хлеб* в этом значении (в словарной статье оно находится под вторым номером) вступает в рассказе слово *пайка*. Это подтверждает и обращение к тексту словацких переводов. Из 39 употреблений лексемы *хлеб* в русском тексте Ян Ференчик воспроизводит 38 с помощью точного эквивалента *chlieb*. Но переводчик в ряде случаев использует *chlieb* и для перевода слова *пайка*, считая эти две лексемы синонимами. Так, в словацком тексте мы находим значительно большее количество словоупотреблений лексемы *chlieb*. Перевод Ольги Гирнеровой характерен меньшей подчиненностью оригиналу. Переводчица не только заменяет *пайку* словом *chlieb*, но и, наоборот, во многих случаях переводит *хлеб* как *pridel* либо *pridel chleba*.

Несмотря на разнообразие оттенков значения лексемы *хлеб* в рассказе «Один день Ивана Денисовича», наиболее частым является то, которое совпадает с первым значением во всех общих словарях: «пищевой продукт, выпекаемый из муки» [БАС, XVII: 171–176; МАС, IV: 601–602; Даль, IV: 552–553; Ожегов: 767; Ушаков, IV: 1149–1150] (13 употреблений из 39). Но даже это значение в контексте рассказа звучит по-новому, в том числе благодаря эпитетам, необычность которых характерна для всего творчества писателя:

Есть надо – чтоб думка была на одной еде, вот как сейчас эти кусочки малые откусываешь, и языком их мнешь, и щечками подсасываешь – и такой тебе духовитый этот хлеб черный сырой [Солж. 1962: 26; 1978, 36].

Прилагательные *черный сырой* вызывают ассоциации с черной сырой землей, *духовитый* – это не просто *душистый*, это тот, в котором есть дух. Возможно, дух родной земли, или дух, благодаря которому жив арестант в лагере, или даже Святой Дух. В переводе несколько теряется объемность смысла, так как *духовитый* везде переведен как *voňavý*, т.е. *душистый*.

Jesť treba tak, aby myseľ bola iba pri jedive, ako napríklad, teraz – odhrýzaš tieto malé kúsočky, jazykom ich hnetieš, ľcami vyciavaš a taký ti je voňavý tento čierny vlhký chlieb! [Solž. 1963: 44].

Jesť sa má tak, že si celkom sústredený na jedlo, tak ako teraz, keď si odhrýzaš malé kúsky, jazykom ich rozmieľaš, ľcami si pritom pomáhaš – a ako ti čierny vlhký chlieb krásne vonia! [Solž. 2003: 40]

Представленный в рассказе блок понятий (хлеб, пайка, двухсотграммовка, заработок), объединенных концептом *хлеб*, резко отличается от блока понятий, существующих в национальном русском языке. Рассматриваемая лексема является не просто словом-символом, но и компонентом, тесно связующим лексический пласт произведения с его смысловой и композиционной организацией. Не случайно в ткань рассказа вплетены христианские элементы, подчеркивающие глубокую символичность понятия «хлеб». Одна из основных идей христианского вероучения состоит в том, что человек должен думать о том, как наилучшим образом прожить сегодняшний день, не заботясь ни о минувшем, ни о грядущем; об этом заботится Господь. Так построен и рассказ Солженицына, таков и принцип жизни главного героя – один день, который надо пережить.

Благодаря существованию сильной христианской традиции в Словакии эта мысль отчетливо звучит и для словацкого читателя.

В параграфе «3.2. Христианский подтекст в русском подлиннике и словацком переводе» развивается идея о концептуальной наполненности лексем с христианской тематикой (*вера, крест, молитва*) и выражении ее средствами словацкого языка.

В авторской, не подвергшейся цензуре версии «Одного дня Ивана Денисовича», опубликованной в 1978 г. в Париже, мы находим:

Там, за столом, еще ложку не окунули, парень молодой крестится. Бендеровец, значит, и то новичок: старые бендеровцы, в лагере пожив, от креста отстали. А русские – и какой рукой креститься, забыли. [Солж. 1978: 10]

Точка зрения автора на ситуацию в государстве кроется в нескольких словах: *от креста отстали и креститься забыли*. А.И. Солженицын не раз подчеркивал, что все беды страны происходят оттого, что люди отвернулись от Бога. Здесь эта мысль передана метафорически через символы веры – крест и крестное знамение. Переносным значением глагола *отстать* является ‘потерять, прекратить связь с кем-либо, чем-либо’ [Ожегов: 424]. Таким образом, выражение *отстать от креста* приобретает значение ‘забыть о Боге, потерять с ним связь’. В переводе, к сожалению, эта идея не отражена в полной мере, т.к. говорится только о том, что заключенные перестали креститься:

Za jedným stolom sa akýsi mládenec prežehnával pred jedlom. To znamená, že je benderovec a k tomu nováčik. Starí benderovci sa v tábore po čase prestali prežehnávať. A Rusi, tí už aj zabudli, ktorou rukou sa prežehnáva [Solž. 2003: 14].

Под давлением цензуры пришлось исключить данное выражение из варианта, опубликованного в 1962 году:

Там за столом, еще ложку не окунули, парень молодой крестится. Значит украинец западный, и то новичок.

А русские – и какой рукой креститься забыли [Солж. 1962: 13].

Tam za stolom sa prv, ako načrel do misky, prežehnáva akýsi mládenec. To znamená - západný Ukrajiniec, a k tomu nováčik.

Rusi - tí už aj zabudli, ktorou rukou sa prežehnáva [Solž. 1963: 15]

В словацком сознании слово *kríž* не настолько сильно связано с понятиями христианства и веры, как русское слово *крест*. Это подтверждается и тем, что от

слова *крест* образовано большое количество однокоренных слов, имеющих религиозный смысл. Тогда как от слова *križ* образованы в основном слова, имеющие отношение к форме креста. Глагол *prežehnávať (sa) /креститься/* также не образован от слова *križ*, а от слова *žehnať /крестить, благославлять/*. В словацком тексте, таким образом, не может быть выражена цепь ассоциативных связей, построенных на понятии *крест* и словах, от него образованных. Несмотря на схожее восприятие концепта *крест/križ* в русском и словацком сознании, исходящем из общехристианского учения, оно не тождественно. Различие восходит к историческому разделению христианства на восточную и западную ветви. Это и отражается в словацких переводах, где за неимением языковой опоры, концепт размывается, дробится, теряет четкие очертания русскоязычного подлинника.

На основании анализа художественных концептов *вера* и *молитва* и отражения их в словацких переводах делается вывод о близости христианских понятий в русской и словацкой национальных культурах, благодаря чему переводчики имеют возможность отразить в полной мере блок понятий и идей, связанных с упомянутыми концептами.

В *Заключении* подведены итоги работы в соответствии с основными положениями, выносимыми на защиту, целью и задачами исследования:

1. Особенности художественного языка А.И. Солженицына явились реакцией на сложившуюся в советской художественной и публицистической литературе ситуацию: на ориентацию на нейтральный стиль и склонность к клише. В этой ситуации лингвистическая работа писателя, направленная на возвращение утерянного языкового богатства, представляется, с одной стороны, реформаторской, с другой, является продолжением труда классиков русской литературы.

2. Новаторский подход к языку проявляется, прежде всего, в экспрессивности лексических средств художественной речи. Но эта экспрессивная лексика неоднородна по своему составу.

3. Из обзора литературы, посвященной лексической классификации, можно сделать следующие выводы. Русская лингвистическая традиция предполагает четкое разграничение критериев оценки лексики на "функционально-стилистическое варьирование литературного языка" и "функциональную стратификацию национального языка". Первым занимается стилистика, вторым – социолингвистика. Стилистика предполагает наличие состава лексических средств, характерного для того или иного функционального стиля. Социолингвистика описывает определенные лексические средства, характерные для той или иной социально-ограниченной группы носителей языка. Среди таких групп обычно выделяются: носители просторечия, носители территориальных диалектов, носители жаргонов (иногда также выделяются носители арго и носители сленга). Для словацкой лингвистической традиции характерен взгляд на классификацию лексики с позиции ограниченности или неограниченности ее употребления. Неограниченной в употреблении считается литературная стилистически-немаркированная ноциональная лексика. Ограниченной лексика может быть с разных точек зрения, в т.ч. ограниченной употреблением в каком-либо из функциональных стилей, ограниченной по временной характеристике, ограниченной по эмоциональности-экспрессивности или по сфере употребления в ограниченной социальной группе. Для обозначения последней группы вводим термин "социально-обусловленная лексика".

4. В классификации лексики художественного языка А.И. Солженицына придерживаемся именно этой позиции. Делим всю лексику на две основные части: ту, которая представляет собой ядро, фон – литературная стилистически-нейтральная

лексика, и ту, которая выделяется на этом фоне, т.е. в художественном языке является экспрессивным стилистическим средством. В последней выделяем следующие группы: литературная разговорная лексика, нелитературная архаичная лексика, нелитературная окказиональная лексика, литературная и нелитературная бранная лексика, общенизмы, социально-обусловленная лексика (которая в свою очередь делится на жаргонную, просторечную и диалектную).

5. При изучении основополагающих, на наш взгляд, групп экспрессивной лексики (окказиональной, бранной и социально-обусловленной) приходим к выводу о том, что каждая лексическая группа имеет определенную функцию. Окказиональная – с одной стороны, направлена на развитие состава русского языка как системы, с другой – на концентрированное выражение идеи с помощью полисемантического слова. Бранная лексика – для колоритного изображения художественного мира русского лагеря и тюрьмы. Жаргонная лексика – для выражения системы взаимоотношений и принципов жизни в лагере. Просторечная – для создания фона художественного образа главного героя. Диалектная – для реалистичного изображения мира русской деревни.

6. Установление закономерностей функционирования лексических единиц в художественной системе писателя приводит к многоаспектной проблеме сохранения яркого языкового своеобразия в художественном переводе. Отрастить в иной языковой форме индивидуальные особенности языка – задача сложная, требующая специального лингвистического изучения переводчиком произведения в целом, чтобы глубоко уяснить стиливое своеобразие подлинника и решить вопрос о способах передачи его в переводе. Проблема сохранения авторской индивидуальности при переводе принадлежит к числу самых сложных в теории и практике перевода.

7. Тексты переводов на родственный язык выполняют в работе две основные функции: с одной стороны, они служат инструментом познания и интерпретации лексических особенностей благодаря тому, что они уже интерпретированы переводчиками и выражены средствами другого языка. С другой стороны, – материалом исследования, на котором выявляются особенности восприятия творчества А.И. Солженицына в Словакии и основные тенденции развития словацкой переводческой школы.

8. При рассмотрении нелитературной лексики как элемента семантико-стилистической системы произведения, были проанализированы возможности перевода ее на родственный славянский язык. Воспроизводя экспрессивную лексику на словацкий язык, переводчики не всегда обеспечивают верную передачу мысли автора, пользуясь в основном средствами стилистически-нейтральной или разговорной лексики словацкого литературного языка. При этом для каждой группы стилистически-экспрессивной лексики характерен свой принцип перевода. При переводе полисемантической окказиональной лексики воспроизводится только одно основное значение или же используется трансформационный или описательный способы перевода для воспроизведения всей совокупности значений. Бранная лексика передается разговорной лексикой, общенной или сленговой. Жаргонная лексика – в основном стилистически-нейтральной или экспрессивной разговорной. Просторечная – разговорной лексикой или тем, что в словацкой лингвистике называется народной (здесь возникает предположение о том, что именно эта группа словацкой лексики является аналогом русского просторечия). Диалектная – диалектной или разговорной.

9. В переводе, как в коммуникационном процессе, важно, чтобы эффект, производимый на читателя оригинала, соответствовал эффекту текста перевода. Тем, что *заимствованная* стилистически-нейтральная русская лексика предстает в переводе стилистически-экспрессивной, восполняется баланс экспрессивности

перевода (прежде всего, это относится к переводу Я. Ференчика). Тем самым выполняется одна из важнейших лингвистических задач художественного перевода – обогащение языка принимающей культуры.

10. Исходя из эстетико-концептуальной установки писателя и основополагающих элементов его творчества, в исследовании были выявлены концептуальные лексемы языка рассказа «Один день Ивана Денисовича», имеющие идейную значимость для всего творчества писателя. С помощью концептуальных лексических пластов писателем сконструирована система идей о лагерном прошлом России (концепты *эзк*, *холод*, *хлеб*) и значении христианской веры для ее истории и дальнейшего развития (концепты *вера*, *крест*, *молитва*).

11. Сопоставительный анализ переводов позволяет сделать вывод о невысокой мере соответствия в словацком языке концептуального уровня, связанного с темой лагеря, ввиду отсутствия подобного исторического опыта в Словакии. Христианская тематика, отраженная в вербализованных концептах, имеет более высокую меру соответствия в словацких переводах благодаря существованию общехристианских понятий в обоих национальных языках.

12. Несмотря на общие тенденции переводческих подходов, сопоставительный анализ оригинального текста и двух словацких переводов показывает, что переводчики избрали различные концепции для передачи русского текста на словацкий язык. Если перевод Я. Ференчика 1963 года максимально приближен тексту оригинала (на логико-понятийном уровне), то второй перевод О. Гирнеровой 2003 года отличается явной тенденцией к ориентации на получателя. Лексика переводчицы более разнообразна, более экспрессивна, более независима от подлинника. Таким образом, можно говорить о переводческой концепции Я. Ференчика как о концепции экзотизации, а О. Гирнеровой – как о концепции нейтрализации. Ее переводческие решения отличаются большей фантазией и оригинальностью, что, однако, не всегда обеспечивает адекватность перевода.

13. Наличие двух переводов одного русского текста и их различие свидетельствует о том пути, который прошло творчество А.И. Солженицына в сознании словацкого читателя. Как пишет словацкая исследовательница Д. Саболова, «при повторном переводе происходит более глубокое внедрение переведенного произведения, изначально чужеродного, в принимающую культуру» /перевод наш – В.К./ [Sabolová 1999: 160]. При первом переводе, очевидно, противоречие между произведением и принимающей культурой настолько сильно, что включение его в фонд принимающей литературы практически невозможно. Можно предположить, что именно повторный перевод является средством, которое способствует их сближению и одновременно является и доказательством того, что этот процесс происходит.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Лексическое своеобразие прозы А.И. Солженицына (на материале рассказа «Один день Ивана Денисовича» и его переводов на словацкий язык) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 9. – 2008. – Вып. 4. Ч. II. – С. 109 – 117.
2. Лагерные жаргонизмы как средство проявления языковой личности героя (на материале рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и его переводов на словацкий язык) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. № 2(26). Серия филология. Санкт-Петербург, 2009. – С. 151 – 160.
3. Некоторые особенности перевода произведений Солженицына на словацкий язык // VI славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: Материалы международной научной конференции. 9 – 11 сентября 2004 года. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 177 – 181.
4. Переводы «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына в Словакии // Университетское переводоведение. – Выпуск 8: Материалы VIII юбилейной международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 19 – 21 октября 2006 года. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 206 – 212.
5. Россия в рассказе А. Солженицына «Матренин двор» и в его словацком переводе // Славянская филология. – Выпуск 9: Межвузовский сборник статей. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 108 – 119.

Подписано в печать 28.04.2009
Тираж 120 экземпляров
Отдел новых учебных технологий СПбГУ
Факультет филологии и искусств
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

10-